

УДК 316.752: 891.981.0 (575.2) (04)

НАРОДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

В.А. Воропаева – профессор

Folk origins of literature and national idea are considered.

Каждое историческое время рождает идеи, необходимые ему – этому времени. Эта идея преобразуется, развивается, изменяется нередко настолько, что кажется – умерла. Но... на смену ей рождается новая для нового исторического времени. Хотя при внимательном рассмотрении вдруг обнаруживается: она – эта идея – стара, как мир, нас окружающий, только в некоей *новой* модели...*

Носителем идеи является творческая личность. Творческая практика творческой личности, если она как настоящий *Мастер не способна лгать себе*, нередко не совпадает с ее теоретическими суждениями. Потому, наверное, изучать само Творчество Мастера видится особенно важным. Сегодня ясно одно: чем дальше отодвигается какое-то историческое событие, тем более видится не только ярким и величественным, но и значимым творческий облик творческих личностей и их идей. Практика же нашего исторического времени свидетельствует о подлинном их значении.

Попробуем обратиться к творческим мыслям и самому их творчеству, черпая в них необходимое для осознания обозначенной проблемы: Народность литературы и национальная идея.

В одной из статей П. Антокольский заметил: “Пушкин противопоставил три состояния души, три возраста жизни – и своей, и стольких других поэтов. Он приоткрыл дверь в будущее для всех, кому оно мерещится и должно сбыться...”. А в “Пророке” А.С. Пушкин провозгласил:

* Здесь и далее: курсив и выделение В.А. Воропаевой.

“И бога глас ко мне воззвал:
Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей.
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”¹.

Но для того, чтобы Глагол жег сердца людей, Поэт обязан заботиться о состоянии словесности, о народности литературы и, конечно же, о национальной идее.

В пушкинскую эпоху сам Поэт и некоторые его сподвижники и современники были озабочены проблемами русской словесности. Гений русской словесности считает: “Причинами, замедлившими ход нашей словесности, *обыкновенно почитаются*: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского”².

“Все наши писатели на то жаловались, – *но кто же виноват, как не они сами*”, – восклицает Поэт.

И все-таки: почему Поэт озабочен? История свидетельствует о том, что в пушкинскую эпоху еще не было “ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке...”.

Не случайно А.С. Пушкин назван Гением русской словесности, ибо действительно словесность – это не просто владение языком и умение читать и писать на нем. Это поистине Просвещение: овладение знаниями Природы и

¹ Пушкин А.С. Стихотворения 1824 (Михайловское). – 1836 // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 86–87.

² Пушкин А.С. Критика и публицистика // Указ. собр. соч. – Т. 6. – С. 12–13.

общества окружающего, освоение предметами размышления. Словесность – это своя ученость, своя политика и своя философия, своя национальная идея. А.С. Пушкин в своем Творчестве занимался развитием русской словесности, развитием языка метафизического.

Поэт, однако, замечает: «Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на *неровность слога и неправильность языка*, исполнены порывами истинного гения, что в “Душеньке” Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, *сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского*; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил»¹.

Причем А.С. Пушкин называет всего-то несколько имен русских словесников его эпохи: Батюшков, Державин, Крылов, Жуковский. И, тем не менее, развивая русскую словесность, Поэт одновременно уже радеет о *народности в литературе*. Следует заметить – не только А.С. Пушкин...

В своей статье “О народности в литературе” Поэт пишет: “С некоторых пор вошло у нас в *обыкновение* говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что *разумеет он под словом народность*.”

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в наборе предметов из отечественной истории...

Другие видят народность в словах, т.е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения...”

Сам Поэт считает: “*Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками*; – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком.

Ученый немец *негодует* на учтивость героев Расина, француз *смеется*, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего

противника. Все это носит, однако ж, печать народности.

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. *Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу*”².

Думается: последней фразой А.С. Пушкин обозначил свое понимание “особенной физиономии” народа и народности литературы – т.е. *национальной идеи*.

Итак:

- образ мыслей,
- чувствований,
- обычаи,
- привычки,
- поверья – и есть содержание понятия “национальной идеи”.

Творчество А.С. Пушкина свидетельствует о том, что убеждения Поэта по поводу народности литературы и национальной идеи обусловлены *историческим временем*.

Юрий Лотман считает, что для А.С. Пушкина подлинный путь к народу состоит в том, чтобы приподняться над “жестоким веком”, сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей.

Н.В. Гоголь, прочитав “Капитанскую дочку”, заметил: «Сравнительно с “Капитанской дочкой” все наши романы и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность взошли в ней на такую высокую степень, что сама действительно[сть] кажется перед нею искусственной и карикатурной. В первый раз выступили *истинно русские характеры*: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все – не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призванье поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном, в лучшем виде»³.

² Там же. – С. 26–27.

³ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – Гл. XXXI. – 1847 // Полн. собр. соч. – М.; Л., 1952. – Т. 8. – С. 384–385.

¹ Пушкин А.С. Критика и публицистика // Указ. собр. соч. – Т. 6. – С. 12–13.

По поводу “бестолковщины времени”: в пушкинскую эпоху, так же как и сегодня, наверное, многие не могут разобраться в событиях, меняющих установившееся положение вещей.

Сам А.С. Пушкин, изучив и издав “Историю Пугачева”, отправляя подарочный экземпляр книги Д.В. Давыдову – герою Отечественной войны 1812 г., написал:

“Тебе, певцу, тебе, герою!..

Вот мой Пугач: при первом взгляде

Он виден – плут, казак прямой;

В передовом твоём отряде

Урядник был бы он лихой”¹.

Бунтовщика, самозванца, нарекшего себя царем и выступившего против существующего строя, Поэт почти “рекомендует” известного “плута и казака прямого” в отряд героя войны 1812 г. – урядником.

Данный сюжет из творчества А.С. Пушкина вполне соответствует двум очень важным для пушкинской эпохи концепциям, выделенным Н.В. Гоголем:

☞ о национальном характере русского народа, который приобрел политическое звучание, и

☞ о стремлении литературы выяснить и обозначить *главное* в национальном характере.

Причем здесь звучат две доминанты национального характера: с одной стороны – мятежность, с другой – смирение и послушание... Вопрос: перед чем или кем?

Обратимся к истории. Всеобщий интерес российского общества к русскому национальному характеру и определению его доминанты вызвала инициатива литератора Д.И. Фонвизина. В 1783 г. он послал в правительственный журнал “Собеседник любителей российского слова” “несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание”. Среди многих особое внимание общества привлек вопрос: “В чем состоит наш национальный характер?” Сама Императрица Екатерина II ответила так: в остром и скором понятии всего, в образцовом послушании...

Противоположный ответ на этот вопрос давали литераторы, особенно А.Н. Радищев: в мятежности, в вольнолюбии.

А.С. Пушкин отлично знал и вопросы Д.И. Фонвизина, и ответы А.Н. Радищева,

а ответы Екатерины II даже перепечатал в “Современнике” (1836 г., №2). Дата издания этого номера “Современника” совпадает с годом выхода в свет “Капитанской дочки”.

В “Капитанской дочке” А.С. Пушкин через смерть коменданта крепости Миронова – солдата от рук бунтовщиков..., но соотечественников обнажает трагизм столкновения двух стихий национального русского характера – мятежности и послушания.

В “Капитанской дочке” А.С. Пушкин прибегает к соотнесению образов Гринева и Швабрина. А между ними “помещает” Пугачева, который вершит суд: в “своем” положении он хочет – милует, хочет – наказывает...

А.С. Пушкин показывает, как Пугачев в общении с Гриневым “проявляет” постоянно нравственные качества, казалось бы, ему несвойственные по природе. Верша суд в Белогорской крепости, Пугачев помиловал Гринева, узнав в нем через Савельича человека, подарившего заячий тулуп в буранный степи.

Позднее Гринева заставляют поцеловать руку Пугачева, Гринева отказывается... «Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: “Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!”».

Итак, Пугачев – государь-самозванец проявляет еще раз “царскую” милость и чувство такта.

Далее Пугачев... “зывает” Гринева к себе на службу, но Гринева тверд в своих убеждениях: “Я присягал государыне императрице: тебе служить не могу”. Пугачев – “государь”, хотя и самозванец, проявляет милость и доброту, хотя отказ Гринева его огорчает. Тем более Пугачев знал: не так много в его стане таких преданных людей, как Гринева.

Далее А.С. Пушкин показывает: Пугачев окружен бунтарями. Гринева скажет: “Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. И Поэт, очевидно, считает, что восстание закономерно, но оно не привело к желаемым результатам. А жертв сколько? Не царское это дело – не быть верным самому себе. По-видимому, так считал Пугачев.

Вначале А.С. Пушкин в Пугачеве надеялся найти героя, подобного романтически любимому народом Степану Разину, того предводителя восстания, который в ответ на обвинения сподвижников: “сам на утро бабой стал”

¹ Пушкин А.С. Указ. собр. соч. – Т. 2. – С. 291.

“... Мощным взмахом подымает
Он красавицу княжну...
И за борт ее бросает

В набежавшую волну...”*, “в дар реке – как самое любимое, подняв, значит – обняв...”¹, по выражению М. Цветаевой.

История свидетельствует о том, что, путешествуя по следам пугачевского бунта, не услышал Поэт подобной народной песни о Пугачеве. Очевидно, поэтому в “Капитанской дочке”, как любимую “пугачевскую”, мы и встречаем далеко не романтическую песню:

“Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу,
думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу,
в допрос идти...
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной”.

Здесь исторический Емельян Пугачев не только личность, свободная в своих проявлениях, но и личность, *ответственная за эти проявления*. “Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом”². Так А.С. Пушкин выразил чувства Гринева в “Капитанской дочке”. Очевидно, и свои также.

И снова А.С. Пушкин поместил между *послушным* Мироновым и честно выполняющим свой долг Гриневым – Пугачева – Вожака – личность, не только *свободную в своих проявлениях*, но и личность, *ответственную за эти проявления*. Причем личность Вожака выдвинута *бунтующим* народом, тем народом, который по трактовке Екатерины II должен был бы проявлять только *смирение и послушание*.

* Из народной песни о Степане Разине.

¹ Цветаева М. Пушкин и Пугачев // Цветаева М. Мой Пушкин. – Алма-Ата, 1990. – С. 97.

² Пушкин А.С. Капитанская дочка. – Л., 1984. – С. 49.

И здесь, очевидно, дав нам образ доброго разбойника Пугачева, А.С. Пушкин в очередной раз поддался “высшему, что есть: поэту в себе”.

Именно силой поэзии, пусть даже и в прозе, А.С. Пушкин, казалось бы, из самого малодушного из героев создавал образец великодушия. “И сильна же вещь – поэзия, раз все знание всего николаевского архива³, саморучное, самоочное знание и изыскание не смогли не только убить, но пригасить в поэте его яснозрения”⁴.

А в пушкинском *яснозрении* главное заключается в национальной идее:

1. “Пока свободною горим,
Пока сердца для чести живы...”.
2. “И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...”.

Именно эти слова Гения русской словесности начертаны на постаменте памятника, сооруженного ему у здания Кыргызско-Российского Славянского университета.

Кыргызский писатель Чингиз Айтматов однажды заметил: «У каждого писателя есть наиболее близкая ему сфера. Это та сфера, в которой художник черпает жизненные силы, которая питает его талант. И когда писатель берется за “свой материал”, говорит о близких ему по духу и по времени людях, единомышленниках, то чувствует он себя свободно и создает превосходные, надолго запоминающиеся читателю произведения»⁵.

И далее Ч. Айтматов обращается к локальной теме по широко глобальной идее национального характера, показанного Л. Толстым в образе Хаджи-Мурата. Здесь Л. Толстой – русский писатель – создал достоверный характер главного героя. Наверное, так же, как А.С. Пушкин проник в национальный характер Пугачева, Л. Толстой, владея пониманием “человека вообще”, “подает нам пример глубинного проникновения в суть объективных вещей”.

³ М. Цветаева имеет в виду архивы, которыми пользовался А.С. Пушкин, изучая историю пугачевского бунта.

⁴ Цветаева М. Указ. соч. – С. 95–96.

⁵ Айтматов Чингиз. Взаимосвязь традиций. 1973 // Айтматов Чингиз. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М, 1988. – С. 34.

Кыргызский писатель Ч. Айтматов в этом глубинном проникновении в суть объективных вещей видит образец внутреннего явления “национальных культур”, их взаимообогащения – образец и сегодня имеющий непреходящее значение.

Согласно историческому процессу, в отличие от пушкинской эпохи наше время породило новые могущественные “дополнительные условия”, которые помогают “мастеру пера” приобщиться к иноязычной культуре.

Не только Ч. Айтматов, но и многие современные писатели считают, что современная литература базируется ныне на двух началах: на собственной национальной традиции и традиции русской культуры, с которой народы бывшего Советского Союза знакомились с детских лет. “Таким образом, два потока, два русла соединяются вместе. Процесс сложный, многообразный, богатый и, несомненно, способствующий кристаллизации нового типа писателя”. Этот вердикт классика современной литературы хочется дополнить: народного писателя, своим творчеством отражающего национальную идею своего времени.

Ч. Айтматов создает свои произведения на русском и кыргызском языках. Он спрашивает: что значит быть русским писателем? И сам же отвечает: это не значит, по-моему, обязательно жить на Оке, необязательно “акать” и “окать”. Однако каждый писатель обязательно должен “хранить в своей душе художественный духовный опыт предшественников как свой собственный, как личный и сокровенный”.

Ч. Айтматов считает, а исторический опыт современной литературы свидетельствует о том, что невозможно создать современную прозу, не впитав опыт классического реализма Толстого и Чехова.

Исторический опыт русской художественной мысли значим не только собственным богатством, но и тем, что приобщает к общемировой культуре. Этот исторический опыт распространяется благодаря неисчерпаемым ресурсам русского языка...

«Когда я пишу по-русски, то чувствую (хотя почти невозможно “сформулировать” это чувство), что выражаю себя совершенно особым и неповторимым образом... Разумеется, огромными резервами обладает и любой другой язык нашей страны, в частности, мой родной, киргизский. В нем существуют выражения неповторимые и непередаваемые», – замечает всемирно известный кыргызский писатель Ч. Айтматов¹.

И действительно, как и в пушкинскую эпоху, “в современных условиях все более усложняющейся конструкции бытия в литературе уже недостаточно быть просто зеркалом, плоско отражающим окружающие предметы, она должна быть многогранной призмой, правдиво воссоздающей в своих стереосферах глубины жизни и человеческих судеб”².

Как и в пушкинскую эпоху, так и сегодня, Мастер пера должен слышать воззвание Бога: “Глаголом жги сердца людей”.

¹ Айтматов Чингиз. Взаимосвязь традиций. 1972 // Айтматов Чингиз. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – С. 36.

² Айтматов Чингиз. Духу Хельсинки альтернативы нет. 1977 // Айтматов Чингиз. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – С. 172.